

Сверхзадача Константина Станиславского

К 120-летию
со дня рождения
(1863—1938)

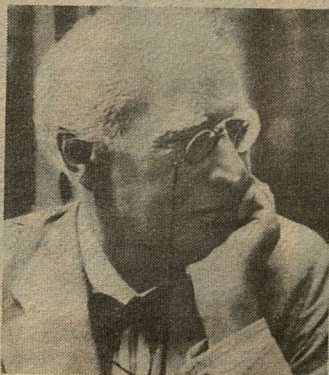
Великий реформатор театра, автор учения, названного его именем, сам же заметил: никакой системы Станиславского не существует, есть только одна непреложная система природы.

— Природа природой, но из этой органической основы Станиславский вывел законы сценического искусства, создал теорию и метод, которые позволяют актеру не изображать жизнь, а проживать ее в образе, в спектакле, — говорит один из крупнейших мастеров Художественного театра, народный артист СССР **Марк Прудкин**, 20 лет работавший у прославленного режиссера, основателя МХАТа.

Учение Станиславского, — продолжает Марк Прудкин, — вобравшее в себя лучшие традиции русской сцены, плодотворно сказалося на развитии театра не только в столице, но и на периферии, что я считаю особенно важным. Периферийный театр, который сегодня даже не сравним с прошлым провинциальным, вырос именно потому, что его режиссеры и актеры воспитаны на системе Станиславского.

Эстетические принципы системы вошли в ткань современной сценической жизни. Но они неотделимы от ее этики, а здесь, мне кажется, предстоит сделать еще очень и очень много.

Сам Станиславский давал замечательный пример высокой театральной этики. Помню, меня, начинающего актера, вводили на роль Чацкого в «Горе от ума». Констан-



тин Сергеевич играл Фамусова, в его сторону я и взглянуть боялся. Когда я стал читать свой монолог «А судьи кто?», в зале послышался какой-то шорох, смехок. Страшно расстроенный, я ушел к себе в артистическую. Через минуту заглянул Станиславский.

— Прощу меня извинить, — сказал он. — Во время вашего монолога я попробовал жест, который рассмешил публику. Ради бога извините, это никогда не повторится.

Станиславский был заботлив и внимателен к актерам, но и требователен в той же мере. Прошло уже почти 60 лет, но я не могу забыть его побелевшее от гнева лицо, когда он узнал, что кто-то из артистов опаздывает на репетиции: «Нам распушенные гении не нужны. Нам нужен ансамбль людей, верных общей сверхзадаче — служению театру».

Сам бесконечно преданный этой идее, он и в нас воспитывал моральную, нравственную ответственность перед искусством. Актер, говорил

Станиславский, должен нести в жизнь благородство и красоту.

Его известные слова: «Театр начинается с вешалки» означали, что зрителя тоже нужно готовить к восприятию спектакля, ничто не должно отвлекать его.

Меня самого всегда раздражает пышное убранство фойе, мрамор, фонтаны: это рассеивает внимание, мешает людям приобщиться к тайне, скрытой за занавесом. Да и занавес теперь, неизвестно по какой заимствованной моде, бывает открыт к делу и не к делу.

— Но не исключает ли система возможность нового поиска, эксперимента?

— На этот вопрос ответил еще сам Станиславский, когда писал: искусство не может стоять на месте. Оно должно постоянно развиваться, тянуться вперед, иначе наступит его одряхление и медленная смерть.

Ведь и все его творчество было экспериментом. В Художественном театре с его многочисленными студиями поиски никогда не кончались. Система — это трамплин для движения, для открытия новых, более тонких, более выразительных сценических средств. Но средства не ради средств, а ради выявления мыслей и чувств, заложенных драматургом, ради жизненной правды. Учитесь у жизни, повторял Станиславский, входите в нее, не наблюдайте ее со стороны. Жизнь человеческого духа, вечный предмет искусства, есть и главное содержание системы Станиславского. И потому она не только современна, но и устремлена в будущее.

Интервью взяла
Ольга МАРТЫНЕНКО